

DOI: 10.18721/JHSS.8308

УДК 101

**«ФИЛОСОФИЯ РАЗУМА» И «ФИЛОСОФИЯ СЕРДЦА»:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ГАРМОНИИ****Ч.С. Кирвель¹, О.Ч. Кирвель², Д.И. Кузнецов³**¹Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь²Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пришло время расстаться с иллюзорными упованиями на безусловный приоритет рационального сознания перед всеми иными, формами дорационального и внерационального восприятия реальности, отказаться от рационалистической «гордыни» и связанных с ней внеисторичности и европоцентризма в подходе ко всем другим культурам, где рациональность не выступила доминирующей формой отношения к миру. В начале 3-го тысячелетия перед человечеством встала грандиозная задача — сформировать целостное мировоззрение, в фундаменте которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая и образное) восприятие действительности, выработать цельное знание, где «мир», «космос», «человек» воспринимались бы как органическая живая целостность. В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.

Ключевые слова: гуманизм; экологический кризис; рационализм; технократизм; философия сердца; философия разума; технологическое общество; биосфера

Ссылка при цитировании: Кирвель Ч.С., Кирвель О.Ч., Кузнецов Д.И. «Философия разума» и «философия сердца»: трудный путь к гармонии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 77–89. DOI: 10.18721/JHSS.8308

**“PHILOSOPHY OF THE MIND” AND “PHILOSOPHY
OF THE HEART”: A DIFFICULT PATH TO HARMONY****Ch.S. Kirvel¹, O.Ch. Kirvel², D.I. Kuznetsov³**¹Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus²Belarusian State University, Minsk, Belarus³Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

It is time to abandon the illusory hope for the unconditional primacy of rational consciousness over all other forms of pre-rational and non-rational perception of reality, to abandon rationalistic “pride” and estranged conception of history and Eurocentrism in order to ap-

proach other cultures where rationality would be the dominant form of relationship with the outer world. Now, at the beginning of the third millennium, the humanity faces the monumental challenge of creating a holistic worldview based on both rational and scientific and irrational (including figurative) perception of reality and of developing a cohesive worldview, where “the world”, “the space”, “the man” would be perceived as a living organic integrity. The rational and illogical perception of the harmoniously developed people is known to be in equilibrium; by the same principle, in human cognition in general, these two sources of knowledge should go hand in hand and complement each other.

Keywords: humanism; ecological crisis; rationalism; technocracy; philosophy of the heart; the philosophy of mind; technology society; biosphere

Citation: Ch.S. Kirvel, O.Ch. Kirvel, D.I. Kuznetsov, “Philosophy of the mind” and “philosophy of the heart”: a difficult path to harmony, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 77–89. DOI: 10.18721/JHSS.8308

*Кто движется вперед в науке,
но отстает в нравственности,
тот более идет назад, чем вперед.*
Аристотель

*Учитывая современную методологию наук,
мы не должны удивляться, что человечество
столкнулось с целым рядом кризисов,
обусловленных главным образом загрязнением
среды и экологическими проблемами.*
Н.У. Кауфман

Сейчас многие с тревогой заговорили о будущем человеческой цивилизации, о кризисе ее развития. Но при этом далеко не все задумываются о том, что корни этого кризиса (антропологического, экологического и т. д.) погружены в глубины европейской истории, что наиболее существенные предпосылки того тупика, в который сейчас попало человечество, были заложены именно Западной Европой, вытекают из своеобразия сформировавшихся в этом географическом регионе мировоззренческих ориентиров и ценностных установок, обусловлены внутренней архитектурой западной культуры в целом.

Если взять, например, основные принципы (ценностную систему координат), на которых базируется западноевропейская цивилизация, то первое, что ее кардинально отличает от всех других культур, — это стремление полностью подчинить чувства, обыденные представления и опыт логике и интеллекту, положить в осно-

ву всего и вся принцип чистого рационализма. Последний, начиная с эпохи Возрождения и Нового времени, выдвинулся в Западной Европе в качестве основного принципа всего мировоззрения. Но если рационализм объявляется основополагающим, единственно верным отношением человека к окружающей действительности, то всё, что не укладывается в его границы и схемы (непосредственное созерцание, чувство, интуиция, эмоциональный порыв, любовь, мистическое озарение и т. д.), должно быть отброшено как обуза, рассматривается исключительно как чистый вымысел, субъективное человеческое переживание, построенное. В итоге весь мир становится бездушным и механическим («расколдованный» мир). Для рационально-логических категории и понятий непостижимо всё то, что носит неповторимый и уникальный характер. Категории и понятия схематизируют красочную полноту живой действительности. В ходе их вторжения в мир

богатство и бесконечное многообразие природы и человеческой жизни необычайно упрощается, скудеет и меркнет.

Для классической рациональности характерен редукционистский подход к действительности, согласно которому окружающие нас природные явления состоят из мира вещей и мира законов. А это означает, что свойства целого объясняются свойствами частного, что характеристики целого полностью определяются некоторой суммой характеристик его элементарных составляющих. В итоге классическая наука утратила берущий свое начало еще со времен Аристотеля целостный (холистический) взгляд на мир, перестала ориентироваться на системный характер явлений, на понимание того, что целое — это нечто большее, чем простая сумма частей, составляющих его, что связи и взаимодействия между частями целого важнее отдельного (напомним один из постулатов даосизма: «Вещи получают свое существование и свою природу посредством взаимозависимости и ничем не являются сами по себе»).

Игнорирование и непонимание традиционной аналитикой классического естествознания системного подхода, холистического взгляда на мир, где главенствуют процессы синтеза по сравнению с анализом, редукционистский подход к действительности, с его основополагающими понятиями материи и движения, в конечном итоге обернулись именно тем, что природа стала рассматриваться как машина, состоящая, как и любой механизм, из отдельных частей и описываемая раз и навсегда установленными законами науки.

Рационализм непосредственно смыкается с технократизмом, в основе которого лежит функциональный подход к миру и человеческой личности, недооценка человеческого фактора, примат частной цели над смыслом. Полюсом деятельности технократического подхода является не человеческая история, а организация, не идея, обращенная к сознанию и совести людей, а техника, позволяющая эффективно управлять ими. Для технократа человек — это не личность, обладающая свободой выбора и чувством собственного достоинства, а обучаемый и программируемый компонент системы, средство, а не цель. Технократы ставят знак равенства между социальными и чисто техническими процессами, переносят закономер-

ности функционирования технических систем на социальную жизнь людей. «Техническая» рациональность отбрасывает как иррациональную категорию ответственности (и связанные с ней идеи вины, совести, покаяния и т. д.), в лучшем случае трактует ее как ответственность за воплощение в жизнь рациональной программы, идеи. Аморализм — неизбежное следствие такой рациональности.

Что касается нравственных оснований жизни в технологическом обществе, то здесь встает проблема колоссальной важности. Под давлением технических систем человек постепенно теряет моральный критерий в оценке своих действий. Дело в том, что категория морали применима лишь к действиям, направленным на живое, а человек в индустриальном (постиндустриальном) обществе имеет дело по преимуществу с неживым. Отсюда сужение сферы действия моральных норм и императивов. Моральные оценки, не опирающиеся на основные постулаты техноцентрической модели развития общества, воспринимаются как «субъективные», «эмоциональные», как малонадежные критерии при оценке нашего поведения, соответственно они легко уступают место аргументам, обращенным к идее «эффективности» и «целесообразности», «выгоды» и «пользы».

Мир идеальных сущностей, логицированные умозаключения позволяют исследователю (реформатору, революционеру, вообще преобразователю) концентрироваться на какой-либо ведущей идее, абстрагируясь при этом от всех сложностей и взаимодействий реального (природного и социального) мира, от всего «привходящего» и «привностного», брать явление, так сказать, в чистом, «незамутненном» виде. Сама логика построения идеализированной модели требует упростить явление, пренебречь всем «второстепенным» в нем, мешающим математической ясности, а таковым для модели, по определению, будет всё, кроме ведущей мысленной идеи, например скорости перемещения макротела в воздушном пространстве.

Собственно, так и возникают научные законы, которые первоначально существуют «в чистоте», в головах ученых, на бумаге. В действительности же они в чистом виде никогда не существуют. Реальность почему-то всегда осквернена бесчисленными «второстепенными» и «ненужными» деталями. В силу этого на-

учные (логицированные) законы вообще не могут быть по большому счету законами природы. В лучшем случае они являются фрагментами, отдельными моментами ее сложного и целостного бытия.

Хорошо бы эти очищенные от всего «второстепенного» и «привностного» законы оставались только на бумаге, выступали в виде мысленного эксперимента – но не тут-то было! Очень скоро метод абстрагирования и мысленного подтверждения стал активно внедряться в практику и давать практические результаты, которыми стало выгодно пользоваться. Спроецированная («натягиваемая», «напаяливаемая») на действительность стерильная аналитическая идея стремится во всей своей полноте стать реальностью (переход идеального в материальное), упростить эту реальность, уничтожив всякое ее отличие от себя. Ее глубинная интенция – схематизировать мир, потеснить и вытеснить в нем все непонятое и не объясненное ею, переработать по своим узким, ограниченно-фрагментарным меркам всю окружающую природу, превратить живой организм – в мертвый механизм, живое вещество с его бесчисленными взаимосвязями – в искусственный агрегат. Итог этого известен: исходя из надерганных законов-истин стал всё торопливее возводиться искусственный мир оружия, орудий, технологий, подчиняющий жизнь природы исключительно своим, ставшим самодостаточными потребностям и устремлениям. Так на вытесняемой жизненной основе людей (всего живого) был постепенно сконструирован и возведен «целерациональный», «целесообразный» синтетический мир.

«Классическая наука, на которую в основном опирается современная технократическая цивилизация, – пишет российский исследователь А.А. Колесников, – не учитывала такое явление, как жизнь. Более того, это было принципиально невозможно, ибо основания традиционной науки (обратимость и симметрия времени, консервативность классических динамических систем и др.) таковы, что там сама жизнь не может присутствовать по определению. Она представляет собой некую случайную и малозначимую аномалию в мире беспредельного господства второго начала термодинамики. Поэтому в классической науке человек отчужден от природы» [1, с. 728]. В самом деле,

для классической науки характерен редукционистский подход к действительности, согласно которому окружающие нас природные явления состоят из мира вещей и мира законов. А это означает, что свойства целого объясняются свойствами частного, что характеристики целого полностью определяются некоторой суммой характеристик его элементарных составляющих. В итоге классическая наука утратила целостный взгляд на мир.

Интересно, что сформулированных и получивших признание научных законов, до предела схематизирующих и разрывающих целостность действительности, оказалось вполне достаточно для строительства этого мира, мира инструментально-технического (технократического), внутри которого правота этих законов стала уже непререкаемой, даже несмотря на то, что этот мир с каждым своим новым шагом превращается в нечто всё более враждебное жизни. Незаметно произошел переход от безобидного стремления понять и объяснить устройство мира к его разрушению, к опасности экологического коллапса. Был «упущен момент, когда „мальчишеские шалости” науки переросли в преступление против самой жизни» [2, с. 180], когда она из малой «почемучки» обернулась Хиросимой, когда возвышенные теоретические конструкции превратились в глобального монстра подавления естественного, живого. В результате на наших глазах случилось перевертывание качества процесса, именуемого прогрессом.

Произошла подмена многомерного одномерным, бесконечного конечным, реальности – абстрактной схемой, ощущаемой поначалу как победа разума. Вся ложность избранного пути – в глубинной уязвимости аналитического подхода к действительности, расчленяющего целое, убивающего в нем душу, в эффективном поначалу методе упрощения реальности – ее идеализации, в аналитическом алгоритме. И это не какие-нибудь следствия случайных ошибок, недочетов или погрешностей данного метода – «неправомочен и порочен он сам как таковой, ибо изначально и сознательно обуживает истину до логической абстракции» [Там же. С. 181]. В действительности это закономерный итог развертывания большой науки, изначально в самой ее основе ложнонаправленности, по крайней мере в той ее части, в которой она

превращалась в инструмент преобразования мира, орудие внедрения в практику.

Некоторые могут возразить: при чем тут наука? Разве наука может быть в том виновата, что она стала жертвой человеческой агрессивности и алчности, иррациональных потребительских вожелений, экспансивности и хищничества государств и правительств, превращающих ее в инструмент войны? Разве ее подневольность и направляемость властью к достижению своих целей — это ее вина? И не финансировались ли всеми правительствами мира лишь по остаточному принципу те исследования, которые использовались в чисто человеческом измерении, помимо хищничества и войны? И так далее.

Однако факты нас убеждают в другом: чудовищное искажение практических результатов сравнительно с целями преобразования, сама глубина разрушения биосферы, его нарастающая скорость всё с большей очевидностью убеждают нас в тупиковости того пути развития, на который толкнуло человечество применение научных принципов аналитической (логизированной, математизированной) науки. Вся история XX в. с предельной наглядностью показала, что науке изначально присуща «взломная» функция в силу самой ее природы. В силу порочности самого научного анализа, разделяющего неделимое на части, отбрасывающего неведомое, изучающего произвольную, в сущности, абстракцию [2, с. 180].

Минувший век, нравится нам это или нет, показал всепланетарный провал (крушение) утвердившихся научных методов и научного знания как средств взаимодействия человека с окружающей природой и социальной средой. Оказалось, что практические результаты, достигнутые на основе этих методов и знаний не в частях, а в своей совокупности, несовместимы со спецификой живого, биосферы в целом.

Таким образом, та чуждость, будет правильнее сказать, враждебность синтетического мира живому миру (а стало быть, и человеку), с которой столкнулись люди в XX в., коренится в самих основах утвердившегося научного стиля мышления и культивируемых методах науки. Или кто-нибудь еще не заметил, что в теле такого, возможно, абсолютно уникального явления, каким выступает наша природа, «зародилось и разрастается за ее счет нечто, развивающееся по чуждым ей законам, по законам некой *мерт-*

вой природы, тупо враждебное ей, слепо агрессивное и сильное» [3, с. 152].

В течение каких-нибудь двух с половиной столетий естествознание, а за ним и науки об обществе становились всё изощреннее и напористее в своей работе с абстракциями. Соответственно этому нарастало и пренебрежение «второстепенным», сложным, многозначным, выходящим за границы той или иной доминирующей идеи. Наконец обнаружилось следующее:

- «второстепенными» для научной модели электрификации оказались река Припять и озеро Севан, устье Дона и вся жизнь этой реки выше и ниже Цимлянска, Днепр и Волга, Енисей и Ангара;

- «второстепенными» для модели мелиорации — Аральское море и Мещера; для модели химизации — великое озеро Мичиган, Темза и Дунай, Байкал и Ладога; для космической научной доктрины — озоновый слой атмосферы; для «научной» военной (есть и такая) — Новая Земля и Синьцзян, Челябинск и Томск, все четыре океана;

- «второстепенными» для научной идеи социализма — крестьянская психология и весь крестьянский (христианский, в русской транскрипции) уклад России — основа русской государственности. И как результат в черноземной Тамбовской губернии возник неучтенный теорией мятеж против продразверстки, подавленный Тухачевским и Антоновым-Овсенко с применением отравляющих газов; при этом в десятках деревень были погублены крестьянские дети (частью расстреляны как заложники — впервые в писаной истории), погублены те, «во имя» кого внедрялась в реальность научная модель социализма;

- «второстепенной» для теории стала постепенно жизнь на Земле [2, с. 177–178].

Иные скажут: да ведь нельзя извлечь пользу из применения неверного закона, а следовательно, есть верное научное предвидение и верное воспроизведение в теории окружающей действительности. Верное, но, к сожалению, неполное, фрагментарное, разрывающее целостность мира, а поэтому в конечном счете ложнонаправленное, не дающее во всей полноте и богатстве реальную картину мира. Вот что в связи с этим пишет российский исследователь М.А. Жутиков: «Да, справедливы Ом и Максвелл, против них — одна только гибель живо-

го в плотинах, турбинах, вблизи передающих антенн, одно нагромождение энергетических узлов, теснящих жизнь в резервации, которые сжимаются, как шагреновая кожа; справедливы Карно и Клаузиус, против них — только отравление воздуха выхлопами двигателей Отто и Дизеля, горящие нефтепроводы, опрокинутые танкеры и бьющиеся в нефти птицы; верны формулы Циалковского-Мещерского, против них — всего-навсего разрыв озонового слоя атмосферы Земли и облитые токсикантом гептилом норы сусликов и гнезда змей; „всесильно” учение Маркса, против него — лишь мучительная гибель многих миллионов безвинных, разорения хозяйств...» [3, с. 151].

Мы уже можем не видеть, что вследствие постепенного обрыва корней, привязывающих человека к живым истокам, он очень быстро ослабляется. Взрослые люди лишь ценой невероятного напряжения успевают приспособиться к нарастающим новациям века, а подрастающие молодые становятся всё менее здоровыми. Стало быть, темпы и характер перемен неприемлемы и для них.

Вспомним высказывание Б. Паскаля на этот счет: «Последним выводом разума должно быть признание, что существует бесчисленное множество вещей, его превосходящих. Слаб тот разум, который не доходит до этого сознания» [4, с. 152].

Природные объекты обладают бесконечной сложностью, и всякое сведение этой сложности до заранее заданных параметров технических объектов оказывается ничем иным, как профанацией. Замена эволюционно возникающих способов самоорганизации природного и культурного миров научно-техно-бюрократической организацией оказалась не только не перспективной, но и просто смертельно опасной. Здесь всё дело в том, что природная эволюция породила великое многообразие факторов, которые планирующий и констатирующий научный разум ни открыть, ни понять в принципе не способен. Смеем думать, что в истинную глубинную суть бытия не проникнуть не только созвездия выдающихся научных гениев, но и всему совокупному интеллекту нашей планеты эта задача не по зубам. А вот многое искалечить на Земле может оказаться по силам и отдельным энтузиастам.

Вся проблема заключается в том, что рациональное сознание — сознание преобразующее.

Его целью является не приспособление к окружающему миру, а измененное, ускоренное преобразование объектов. Вместе с тем это сознание очень редко поднимается до такого уровня своего развития или глубины проникновения в сущность вещей, чтобы оно могло просчитать и предвидеть все последствия своего преобразующего вмешательства в противостоящую ему природную и социальную среду. В результате процесс преобразований часто осуществляется вопреки природе объектов, внутренней логике их бытия.

Проект преобразования и рационализации мира, выдвинутый в свое время европейским модерном, противоречит известному кибернетическому закону необходимого разнообразия, сформулированному У. Эшби. На деле всякие претензии «рационализировать» эволюционно возникшие природно-биологические и социокультурные объекты и процессы, заменить их управляемыми искусственными системами оборачиваются бесконечным обеднением и упрощением мира. Как отмечает О.Ф. Шибаров, «в искусственных системах порядок и разнообразие противостоят друг другу. Их создание основано на подавлении „помех” по принципу „отсечения” лишнего» [5, с. 29]. Заметим в связи с этим, что крылатая фраза Н. Коперника: «Природа довольствуется простотой и не терпит пышного великолепия причин», положенная в качестве одного из кирпичиков в фундамент европейской науки, таила в себе многие опасные интенции и разрушительные силы, которые себя обнаружили лишь в XX в. Мы, умудренные этим «веком внедрения», не можем не видеть симптомов качественной деградации практических успехов науки, ее глубинной неправоты в человекообразном смысле. Мы не можем уже не заметить, что при очередном внедрении вновь открываемых закономерностей в практику с нарастающей силой происходит подрыв жизненных сил природы, что в «гладких формулах научных обоснований скрывается извращенная целевая установка, полная холодной жестокости, подлого расчета и агрессии к природе» [3, с. 151]. Нам становится всё яснее, что по мере углубления знания наука не просто предвидит не всё: она предвидит всё менее. Ее развитие начинает всё с большим трудом поспевать за сложностью и опасностью ею открываемого. У нас уже нет сомнения, что

для своей искусственной жизни синтетический мир непрерывно востребует новой энергии, новых площадей, новых искусственных материалов и т. д., во всеоружии логики наполняя и далее на беззащитную земную жизнь.

Недооценка сложности объектов, подлежащих научно-техническому перевоссозданию и преобразованию, стремление насильственно снизить эволюционно сложившееся разнообразие мира во имя его лучшей управляемости, всеми силами насадить одномерность и однозначность – вот главные угрозы, которые представляет для человека как вида современная инструментально-техническая и безудержно потребительская цивилизация. Интересно, что адепты этой цивилизации (поклонники западноевропейского модерна) подходят к непонятной им сложности мира, не укладывающейся в априорные схемы модных учений, с болезненным недоверием: то, что непонятно и «избыточно», рассматривается как помеха, подлежащая немедленному устранению, квалифицируется как сопротивление прогрессу. Не из этих ли посылок исходят приверженцы однополярной глобализации мира, готовые во имя упрощающих рационализаций устлать путь прогресса жертвами народов и государств, не укладывающихся в абстрактную схему «нового мирового порядка»?

Поэтому, как бы нам тяжело ни было расставаться с привычными взглядами, мы должны согласиться с современной глобалистикой, показывающей на основе цифр и фактов, что продолжение сложившихся тенденций развития современной техногенной цивилизации уже в недалеком будущем – возможно при жизни родившегося поколения – будет непременно пресечено. К тому же теперь стало ясно, что проблемы, порожденные развитием техники, принципиально нельзя решить с помощью самой же техники, пусть даже еще более совершенной, что новая эффективная техника очистных сооружений, энергосберегающие технологии и другие достижения научно-технического разума не помогут избежать экологического коллапса, что при любых сценариях технического развития планета не выдержит техногенной перегрузки. Ибо глубинные корни экологического кризиса лежат в вытеснении техническим, искусственным естественного, натурального, в выхолащивании души и тела

человека, в превращении его в некое подобие робото-компьютерного устройства. Все дело в том, что технический прогресс воспроизводит на Земле процессы, к которым эволюционно не приспособлены ни окружающая природа, ни сам человек. Ведь в естественных условиях на Земле нет источников атомной энергии, термоядерных реакций, нет природных квантовых генераторов, не происходит в короткий промежуток времени массового образования материалов с новыми химическими свойствами, макротела не передвигаются со сверхзвуковой скоростью, не взлетают в космос многотонные массы и т. д. Все эти процессы являются инородными в макром мире Земли, нарушают эволюционно установившееся природное равновесие, создают эколого-кризисные состояния. Сегодня ставка на либеральную программу всемирной вестернизации на деле представляет собой губительную планетарную авантюру. Такая ставка превращает нас в людей, похожих на пассажиров «Титаника», абсолютно уверовавших в безопасность своего путешествия на этом чуде техники и поэтому суетно продолжающих выяснять отношения друг с другом, добиваться переселения из одной каюты в другую, хитрить и обманывать один другого.

Следует особо подчеркнуть, что все по сей день имеющие широкое распространение упования на прорыв в новую техническую эру, надежды на разрешение всех проблем современности путем новых научно-технических достижений представляют собой не что иное, как наивное самообольщение технического разума. Или не западноевропейские страны, сформировавшие фаустовскую культуру и прометеева человека – покорителя природы, повергли мир в пучину глобального экологического кризиса? И не от «западной» ли идеи сегодня исходят импульсы откровенной культуурофобии и техно-бюрократической унификации мира? Все теории «догоняющего развития» игнорируют главное – моральную устарелость техноцентрической модели развития, которая, хотя и обеспечивала в свое время мощный рывок Запада, сегодня ведет весь мир к тотальной экологической катастрофе.

Человеческая жизнь и деятельность гораздо шире и богаче рационализированных ее форм. В ней присутствуют внерациональные и даже иррациональные моменты, которые нуж-

даются в иных экспликациях, чем это характерно для науки с ее формами и критериями рациональности. Как бы нам не представлялась верной и «красивой» теоретическая схема получения путем «вырывания» и «выведывания» секретов у природы, но обратное ее «напяливание» на природу почему-то всегда оказывается невозможным без разрушения сложившейся в течение миллионов лет ее взаимосвязанной целостности и органичности. И это фактически обесценивающее научный анализ обстоятельство вытекает из того, что в живом мире нет «второстепенного», «лишнего», «ненужного».

На практике интенция ко всеобщему изменению мира всегда оборачивалась авторитарно-принудительной, насильственной направленностью политических лозунгов и действий, открывала путь последователям доктрины к волюнтаризму и экстремизму. В сущности, такой подход к действительности представлял собой противоестественную, нереальную задачу, таил в себе опасность деструкции, насилия и катастрофы. Не случайно сегодня многие авторы связывают учение К. Маркса и Ф. Энгельса о насилии как важнейшем средстве утверждения коммунистического идеала с их рационалистическими установками, видят в них основание данного учения.

Факты свидетельствуют, что глобальные проекты рационализации общественной жизни способны привести к беспрецедентному порабощению человека. Такие крупные исследователи, как Н. Бердяев и Х. Ортега-и-Гассет, уже давно отмечали, что тоталитаризм как жесткая система всеохватывающего контроля над жизнедеятельностью людей связан с вторжением в общественную и личную жизнь фактора техники. С их точки зрения, тоталитаризм в широком смысле есть власть техники, механизация социальных отношений, технизация стиля мышления и «машинизация» человека. Ни диктатура римских рабовладельцев, ни восточные деспотии не обладали возможностью такой концентрации бесконтрольной власти, которая появилась у современных государств благодаря развитию техники. Диктаторы нашего времени, в том числе и советские лидеры, смогли воспользоваться вкладом современной технологии в искусстве деспотии. По сравнению с тиранией техники, считают некоторые современные исследователи, в частности французский фи-

лософ Ж. Эллюль, все диктатуры выглядят пустячной забавой.

Некоторые противники критики рационализма утверждают, что, напротив, все наши беды от недостатка рационализма. Действительно, если иметь в виду некий идеальный, доведенный до совершенства рационализм, который в состоянии охватить бытие мира и человека в целом и во всех частностях, предвидеть всё, включая даже самые отдаленные последствия своего вмешательства в окружающую природную и социальную среду, который может всё уладить и разумно устроить на Земле, то они правы. Но такого рационализма история, к сожалению, не знала. А та рациональность, которая нам известна, далека от совершенства, таит в себе многие угрозы и опасности. Хотя человек посредством ее может оказывать определенное, даже очень сильное целевое воздействие на мир, но в целом окружающая действительность остается для него пока непредсказуемой и неподконтрольной.

Издержки рационалистического подхода к миру осознаются давно. Многие мыслители прекрасно понимали всю опасность притязаний. Так, критическая оценка разума имела место одновременно с развитием идей философии Просвещения в работах Д. Юма и Дж. Свифта. Реакция «справа» на буржуазно-демократическую революцию XVIII в. во Франции вызвала к жизни течение контрпросвещения в лице Берка, де Местра, Мен де Бирана и др., а также со стороны немецких романтиков, в том числе Шлейермахера. Х. Лео объявил просвещение «делом сатаны».

Вообще, сомнения в силе человеческого разума были, конечно, и раньше. Образ человека — властелина природы или меры всех вещей неизменно соперничал с образом человека — «ничтожного червя», игрушки судьбы, случайных обстоятельств и собственных страстей. Здесь достаточно напомнить об ужасе перед бесконечностью Вселенной Паскаля, который, в отличие от оптимизма философов эпохи Возрождения и их многочисленных последователей, впал в крайний пессимизм, в неверие в возможности человеческого разума, со всей остротой поставил вопрос о границах «научности», указывая при этом на превосходство «доводов сердца» перед «доводами разума». Можно также обратить внимание и на сомнения относительно

силы разума в трудах Шефтсбери и Хатчесона, которые разуму и трезвому расчету противопоставили бескорыстные «высших чувств», а образом подлинного постижения сущности бытия рассматривали не науку, а искусство. Сильный удар по просветительскому рационализму нанес Руссо, который, хотя и принадлежал организационно к энциклопедистам, явился весьма последовательным критиком многих интенций и установок просветительского сознания. Вслед за Руссо с всесторонней критикой рационалистических идей эпохи Просвещения выступил выдающийся немецкий философ И. Кант. Свою критику просветительского рационализма Кант дает в весьма широком социальном контексте. Так, на вопрос о том, можно ли ставить перед человечеством задачу преобразования общества на основе требований разума, как это пытались сделать философы-просветители, Кант отвечает отрицательно – нельзя. Слишком ограничен человеческий разум, слишком он привязан к сиюминутной выгоде, к миру явлений и ко множеству частных ситуаций, чтобы выступить основой программы общественных преобразований. В такого рода устремлениях разум принесет людям больше вреда, чем пользы. Что же тогда остается делать человеку? Ему остается сделать нравственный выбор только за себя и только на своем месте, прислушиваясь к голосу совести и действуя в соответствии с ней, полностью неся ответственность за каждый свой поступок. В своей философской системе Кант вынужден был ограничить разум верой, противопоставить теоретическому разуму практический. А многие русские религиозные философы пытались, к примеру, соединить рациональное знание с совестью, любовью и т. д.

Такого рода ситуация стимулировала интенсивный пересмотр и переоценку генетически связанных с просветительским рационализмом сциентистско-технократических концепций, в которых наука и техника выступают чуть ли не единственным фактором общественного прогресса, силой, способной обеспечить счастье и процветание людей. В противовес этим концепциям в современных индустриально развитых странах получило необычайно широкое распространение антисциентистское мировоззрение, носители которого, напротив, видят все беды века в развитии науки и техники, в бесчеловечной «рациональности». Так, например,

известные представители франкфуртской школы Адорно и Хоркхаймер в работе «Диалектика просвещения» (1947) предприняли попытку полностью развенчать просветительский рационализм как основной принцип философствования. Они истолковали просветительский взгляд на мир как укорененную во всех временах мертвецкую «рассудочную расчетливость», вырождающуюся ныне в античеловеческое господство «идеологии науки и техники» над общественной жизнью людей. После выхода в свет «Диалектики просвещения» критика традиционного для западноевропейского рационализма сциентистско-технократического мировоззрения только усиливалась. Так, современный западный исследователь Дж. Грей, выступая против инструментальной рациональности Просвещения, говорит о саморазрушительности «проекта» Просвещения: «Сегодня мы живем среди смутных руин проекта Просвещения, который был господствующим проектом современного периода. Если проект Просвещения... оказался саморазрушительным, то этот факт говорит о завершении современного периода, наследниками которого мы являемся» [6, с. 145].

Если поставить вопрос: имеет ли под собой в принципе основания критика просветительского рационализма за его стремления к безграничной сознательной и целенаправленной переделке природного и человеческого мира, то придется, учитывая трагический опыт XX в., ответить на него положительно.

В утверждении нового подхода к окружающей действительности призвана, как нам представляется, сыграть существенную роль формирующаяся в последнее время новая (постнеклассическая) рациональность, которую можно определить как *гуманистическую рациональность*.

Оптимальной для гуманистической рациональности может стать лишь та стратегия, которая предполагает осознание личной ответственности человека за совершенный им выбор, включает в себя рефлекссию над содержанием и мерой ответственности. В этом случае рациональность (как и разум в целом) становится средством осознания изначальной ответственности человека за свои поступки. Рациональность и ответственность как бы меняются местами: ответственность становится первичной по отношению к рациональности. Это означает

попытку установить пределы вмешательства человека в естественную динамику природы, общества, культуры, поставить наряду с вопросами «как?» и «почему?» телеологический вопрос «зачем?». Речь, собственно, идет об утверждении сферы духа — пневмосферы (термин П.А. Флоренского, которым он в своем письме В.И. Вернадскому предложил заменить понятие ноосферы), об обуздании антропоцентризма, коллективного и личного эгоцентризма, потребительского отношения к миру. Здесь важно исходить из того, что гуманизм не исключает сопротивление злу силой, что гуманитарное развитие общества невозможно, если не поставить преград на пути духовного растрепания всё возрастающего числа людей, совершающегося как ради получения сверхприбыли, так и ради извращенного самовыражения.

В той же мере, в которой исторический выбор необратим и его последствия не могут быть до конца просчитаны, необходимо знание запретов на некоторые социальные действия, потенциально содержащие в себе возможность катастрофических последствий. Вопрос заключается в том, чтобы преодолеть «хищническо-механические» устремления современной цивилизации и утвердить ориентацию сознания на постепенность, преемственность осуществляемых изменений, когда учитывается цена преобразований, революций, радикальных реформ. Иначе говоря, задача состоит в том, чтобы непременно учитывать нравственно-практическую составляющую человеческой духовности как при определении целей, так и при выборе способов и путей ее достижения.

Подлинная гуманитарность должна освободиться от ограниченности антропоцентризма. Исторически получилось так, что понятие «антропоцентризм» весьма часто отождествляется с понятием «гуманизм». И для этого, на первый взгляд, есть основания: усматривая в человеке «властелина мира», «венец творения», антропоцентризм делает акцент на его самоценности, как бы возвеличивает человека. Однако это псевдогуманизм. В действительности подлинная гуманность связана с признанием не только самоценности человеческой индивидуальности, но и самоценности природы, т. е. с признанием принципа онтологического равенства человека и космоса. В сказанном нас убеждает печальный опыт XX в., который воочию показал, что ра-

зум как самое эффективное средство покорения мира и гуманность — это вещи всё реже и реже сопряженные. В системе мировоззрения и поведенческих реакций современного цивилизованного человека гуманистическая ориентация выступает отнюдь не как первостепенная. Выяснилось, что с цивилизацией вполне уживаются дикость, варварство и вандализм. В недалеком прошлом цивилизованные европейцы с целью насильственного захвата капитала не останавливались перед уничтожением сотен тысяч невинных людей из колонизируемых стран Азии, Африки и Австралии. А сегодня цивилизованные американцы не остановились во имя своих эгоистических и захватнических интересов перед применением в Ираке кассетных и вакуумных бомб, разрушением уникальных музеев и древнейших памятников культуры. Впрочем, это в традиции американцев. Это они в свое время впервые в мире применили чудовищное ядерное оружие в войне с Японией. Воистину, «цивилизованная дикость — самая худшая из всех дикостей» (К. Вебер).

Сегодня есть все основания предположить, что XXI в. станет временем труднопримиримой, жесточайшей борьбы за будущее, в которой многие участники будут сходиться с исторической арены, проваливаясь в историческое небытие. Похоже, всем здоровым силам современности, всем честным людям уже не избежать этой изнурительной борьбы, борьбы за гуманизацию социальной эволюции, за сохранение *homo sapiens*, за самоценность человека, который, не исключено, представляет собой совершенно уникальное явление во всей Вселенной.

Главный импульс борьбы за альтернативное будущее человеческого сообщества лежит в следующей плоскости: доминанта духовного над материальным, идей и духа против доминанты денег и паразитарного потребительства, стремлений к установлению на нашей планете принципов международной и социальной справедливости против устремлений к мировому господству сверхбогатых людей и к созданию всепланетарной империи капитала, к подчинению человечества глобальной власти денег в мировом масштабе.

Конечно, новые модели развития социума рождаются в ходе самих трансформационных процессов, в практике жизни, в сопротивлении злу, в борьбе добра со злом. И эта борьба уже

развернулась во всю горизонталь. Происходящие на наших глазах метаморфозы и тектонические сдвиги в общественном бытии людей уже не позволяют нам остаться в стороне, уклониться от осмысления проблемы адекватного объективным обстоятельствам исторического выбора, от определения новых целей, выдвижения альтернативных проектов и сценариев дальнейшего развития социума и от участия в борьбе за их реализацию.

Какой же выбор сегодня должен быть сделан?

На данный момент главное — избежать погружения человечества в новые «темные века», разрушения национальных государств, семьи, образования, науки, здравоохранения, не допустить вселенского всесмешения и реализации глобального проекта электронного концлагеря, т. е., по сути дела, предотвратить наступление нового цивилизационного варварства, новой варваризации.

Ныне многие мыслители как в России, так и за рубежом считают, что «достойным цивилизационным выбором человечества может стать *реальный гуманизм* — концепт, предложенный Марксом в ранних произведениях (до завершения формирования его взглядов как собственно марксистских) и заключающий в себе мировоззренческие предпосылки будущей, гуманистически более высокой цивилизации, которую можно назвать *цивилизацией реального гуманизма*, отвечающей интересам всех трудящихся во всех странах» [7, с. 11].

Действительно, сегодня человечеству необходим как воздух идеал «реального гуманизма» как цивилизации, возможной и желаемой для большинства населения Земли. Созидание такой цивилизации — длительный исторический процесс комплексных изменений, который можно предположить как следующую, *третью стадию* уже совершающейся модернизации человеческой цивилизации — ее *гуманистическую модернизацию*. В настоящее время можно говорить лишь о *возможности* и желательной подготовке такой модернизации. Участие или неучастие в ее подготовке — это и есть ее *реальный цивилизационный выбор*, который *может сделать* каждая страна, цивилизация или субцивилизация, каждый человек, гражданин и просто житель планеты Земля. Конечно, с учетом культурно-исторического своеобразия каждого такого субъекта» [Там же. С. 13].

Сегодня важно четко представлять, какие ценности культивировать, от каких отказываться и как всё это скажется на процессе гуманизации общественной жизни. Сравнительный анализ систем ценностей, сначала в теоретическом, а затем и практическом плане, — важнейшая потребность современности. Гуманитарное развитие к имеющимся видам контроля и экспертизы добавляет еще и аксиологическую экспертизу. Этот новый вид экспертизы должен выявлять и культивировать наиболее соответствующие гуманности векторы духовного развития человечества.

Чтобы сохранить себя, человечество должно решить две взаимосвязанные задачи:

1) обезопасить себя от духовного вырождения и деградации, саморазрушения себя изнутри в результате эрозии «экологии души», утери человеком человеческого;

2) обезопасить себя от разрушения внешней среды обитания, коллапса биосферы, эрозии «экологии природы».

В этом, возможно, и есть **смысл истории**.

Важнейшей предпосылкой гуманизации общества является социогуманитарное образование. Социогуманитарное общество — это *формирование человека в соответствии с некоторым образом, идеалом, выступающими концентрированным выражением — мировоззрения, доминирующего в той или иной культуре* [8, с. 77].

Из всего сказанного следует, что сегодня пришло время расстаться с иллюзорными упованиями на безусловный приоритет рационального сознания перед всеми иными, формами до-рационального и внерационального восприятия реальности, отказаться от рационалистической «гордыни» и связанных с ней внеисторичности и европоцентризма в подходе ко всем другим культурам, где рациональность не выступила доминирующей формой отношения к миру. Теперь, в начале 3-го тысячелетия, перед человечеством со всей остротой встала грандиозная задача — сформировать целостное мировоззрение, в фундаменте которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая и образное) восприятие действительности, выработать цельное знание, где «мир», «космос», «человек» воспринимались бы как органическая живая целостность. Поэтому гуманистическая рациональность будет соответствовать

современным потребностям только в том случае, если она сможет вобрать в себя и другие, внерациональные формы освоения мира, признать их разнообразие и равноправие, перейти от рациональной к рационально-образной картине мира. *В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.*

К сожалению, люди пока еще в большинстве своем весьма далеки от понимания всего этого. Да и ход истории, в целом, пока не дает ответа на вопрос: какое направление развития человечества возобладает — тенденция духовного подъема или тенденция деградации? Не исключено, что людям предстоит тяжелые испытания, прежде чем они смогут осознать, что нынешние интересы (финансовые, потребительские и т. д.) человека должны быть согласованы с интересами его совместной выживаемости с окружающей природой. И здесь, кстати сказать, могут оказаться весьма полезными возросшая роль субъективного фактора истории, расширившиеся возможности современного социального субъекта. Ведь в конце концов мощь и сила субъективного фактора истории может быть направлена не только на разрушение и деструкцию, но и на созидание,

на утверждение гуманистических начал в развитии социума. И это в принципе возможно на любом этапе современного исторического процесса. Ибо история, как это нам хорошо известно, не запрограммированный, окончательно предзаданный процесс. Она всегда так или иначе открыта для исторического творчества. В ситуации, когда нет альтернативы от скатывания в пропасть, когда ни одна из реальных возможностей не в состоянии удовлетворить, активный социальный субъект может осуществить творческий прорыв, который следует интерпретировать как «возможивание невозможного» (С.А. Левицкий). Тому есть, кстати сказать, немало исторических примеров. Так, в частности, известный российский исследователь Л.Н. Гумилёв, исследуя проблему этногенеза, указывает, что бывают ситуации, когда ценности и идеи какой-либо группы единомышленников (консорции), стоящих у истоков нового этноса, а шире сказать — новой организации социума, оказываются способными весьма быстро овладеть «критической массой» и «развернуть» ход истории самым неожиданным образом [См. 8, с. 79].

И действительно, человек по сути своей — не марионетка внешних обстоятельств (сложившихся экономических отношений, «дискурсивных практик»), но существо творческое, субъект исторического выбора и действия. Поэтому будущее в значительной степени станет таким, к которому он будет стремиться и за которое он будет бороться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесников А.А. Когнитивные возможности синергетики // Вестн. Рос. акад. наук. 2003. Т. 73, № 8.
2. Жутиков М.А. Этюд о простоте // Москва. 2002. № 10.
3. Жутиков М.А. Технологическая цивилизация: смена знака // Москва. 2001. № 7.
4. Паскаль Б. Мысли. М., 1994.
5. Шибаров О.Ф. Эффективность политического управления (системно-кибернетический подход): дис. ... д-ра полит. наук. М., 1998.
6. Gray J. Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the close of the Modern Age // Routledge. 1995. No. 9.
7. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015. № 4.
8. Сагатовский В.Н. Что такое гуманистическое развитие общества // Социально-гуманитарное знание. 2002. № 3.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович – Гродненский государственный университет им. Янки Купалы; dkuznec@list.ru

КИРВЕЛЬ Ольга Чеславовна – Белорусский государственный университет; o.kirvel@gmail.com

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Иванович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; dkuznec@list.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] A.A. Kolesnikov, [Cognitive possibilities of synergetics], Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 73 (8) (2003).

[2] M.A. Zhutikov, [Etude of Simplicity], Moscow, 10 (2002).

[3] M.A. Zhutikov, [Technological civilization: change of sign], Moscow, 7 (2001).

[4] B. Paskal, Mysli [Thoughts], Moscow, 1994.

[5] O.F. Shibarov, Effektivnost' politicheskogo upravleniya (sistemno-kiberneticheskiy podkhod) [The effec-

tiveness of political management (the system-cybernetic approach). Doct. diss.], Moscow, 1998.

[6] J. Gray, Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the close of the Modern Age, Routledge, 9 (1995).

[7] N.I. Lapin, [Fundamental values of the civilizational choice of mankind in the 21st century], Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 4 (2015).

[8] V.N. Sagatovskiy, [What is the humanistic development of society], Sotsial'no-gumanitranoye znaniye [Socio-Humanitarian knowledge], 3 (2002).

KIRVEL Cheslav S. – Yanka Kupala State University of Grodno; dkuznec@list.ru

KIRVEL Olga Ch. – Belarusian State University; o.kirvel@gmail.com

KUZNETSOV Dmitriy I. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; dkuznec@list.ru

Received 15.06.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017